

ББК 67.3

В.Ю. Апрыщенко**АНГЛО-ШОТЛАНДСКАЯ УНИЯ 1707 Г.: ПЕТИЦИИ, ПАТРОНАЖ, БУНТ**

Посвящена анализу социального протеста в Шотландии в период обсуждения и подписания англо-шотландской парламентской унии 1707 г. В ней исследуются формы и география протеста, социальный состав участников выступлений, последствия восстаний, а также оценка выступлений, существующая в британской литературе. Автор приходит к выводу, что выступления 1705-1707 гг. являлись антиуниатскими по своей природе, что отличало их от социальных выступлений 1720-х гг.

Уния 1707 г.; протест; бунт; парламент; инкорпорация; нация; юнионизм; анти-юнионизм; патронаж; парламентские выборы.

V.Yu. Apryshchenko**PARLIAMENTARY UNION OF 1707: PETITIONS, PATRONAGE, REVOLT**

The author analyzes social protest in Scotland during preparing and ratification of Parliamentary Union of 1707. Forms and expansion of protest, social structure, results of the revolts as well as British historiography of the subject are studies in the article. The author concluded that protest of 1707-1707 was anti-unionist, and that distinguished it from the social revolts of 1720 years.

Union 1707; protest; revolt; Parliament; incorporation; nation; unionism; anti-unionism; patronage; parliamentary election.

Большая часть шотландцев была лишена возможности играть хоть сколько-либо малую роль в событиях англо-шотландского парламентского объединения, становясь заложниками решений политической элиты. Однако горожане и Эдинбурга, и Глазго составили многоголосый хор протеста, очень нервно воспринимаемого политиками с обеих сторон. Этот факт многими историками расценивается как демократический протест, не услышанный властями, а значит, свидетельствующий в пользу нелегитимности унии. Однако, очевидно, что демократическое волеизъявление – это анахронизм для XVIII в., причем не только для Шотландии, но и для подавляющей части Европы, и делать вывод о незаконности унии на этом основании, все же нельзя.

Одной из форм проявления антиуниатского протеста явились петиции. По мнению Дж. Джонса, они дают наиболее полное представление о проявлениях общественного мнения в Шотландии [1]. Первые шотландские петиции, как форма народного волеизъявления, относятся к ковенантскому движению 1637-1638 гг., и уже тогда эмоционально, если не практически, содержали требования сохранения шотландской идентичности. Петиции, как форма волеизъявления, должны были продемонстрировать общественную солидарность, единение всей нации в борьбе за идею, олицетворяющую саму Шотландию и ее прошлое, они имели неограниченное хождение среди противников унии и поддерживающих их политических слоев. Характерно, что петиции не использовались проуниатскими слоями для защиты идеи унии, и парламент не получил ни одной петиции, поддерживающей союз [2].

Энергичное участие в формировании этой формы протеста принимала церковь, причем активность проявляли в равной степени и якобитские и пресвитерианские священники. 29 октября 1706 г. Байли Джервисвуд из Ланкаркшира написал, что не только тори присылают «адреса изо всех мест против унии», но также «многие пресвитерианские священники выступают против союза» [3]. И хотя мотивация пресвитериан была не столь однозначна, важно, что кальвинисты не всегда поддерживали позицию Лондона. Все эти послания – и от отдельных священ-

ников, и составленные в приходах были объединены в единый адрес от Церковной комиссии, исполнительного органа Генеральной ассамблеи церкви Шотландии.

Идея нации здесь выражена посредством идеи независимой церкви, которая, с одной стороны, получает поддержку от государства, создающего условия для свободного развития, а с другой – является гарантом сохранения традиционных ценностей нации, интересы которой противостоят интересам Британии. Одним из исторических принципов, пресвитериане Ланарка считают принцип «соглашения», понимая его, очевидно, в смысле «ковенанта» – завета, договора. В этой связи, уния-инкорпорация нарушает это древний «завет», согласно которому Шотландия обладает правом реализовывать свои права – религиозные, политические, экономические. Хотя тон петиции далек от агрессивного, но, тем не менее, нравоучительные и назидательные мотивы в ней могут быть объяснены тем, что ее авторы чувствовали за своей спиной поддержку более радикально настроенных представителей камеронской оппозиции и идеологии. Это послание ланкаркширских пресвитериан было подкреплено действиями парламентариев от этого графства, всего их было четыре, один из которых представлял непосредственно королевский город Ланарк, а три других были членами оппозиции.

Приходы баронии Глазго также подали свои голоса в знак протеста объединению, как и член парламента от королевского города Глазго Хью Монтгомери, голосовавший против и по первой статье, и по унии в целом [4]. Монтгомери впервые попал в парламент и не имел еще опыта политической деятельности, хотя слыл антиякобитом, а в дарьенской аванюре его доля составляла тысячу фунтов. Помимо прочего, он был еще и членом комиссии с шотландской стороны по подготовке унии в 1702 г.

Система патронажа и политического менеджмента, существовавшая в Шотландии как элемент традиционных вертикальных и горизонтальных социальных отношений, определяла идеологию и практику голосования. В этой связи уния не представляла собой изолированного события, но оформлялась в рамках политической и парламентской деятельности Шотландии, в рамках новой Британии.

Данбартоншир, Стирлингшир и Пертшир – эти округа входили в сравнительно не широкую сферу влияния Монтроуза, который здесь на практике реализовывал патронажные принципы. Пертшир был представлен четырьмя парламентариями в объединенном парламенте, один из которых, Манго Грэм Морффи, продолжал играть заметную политическую роль и после 1707 г. Как политического деятеля его относили к членам Эскадрона, куда он входил вместе с еще одним представителем Пертшира, с которым они вместе голосовали за инкорпорацию. Его считали «агентом» Монтроуза в Шотландии, и в рамках новых уже британских структур он продолжил свою карьеру, в частности, в 1718-1720 гг., под патронажем Монтроуза, он занимал пост ректора университета Глазго.

Однако антиуниатский протест принимал не только формы мирных петиций. Одним из проявлений недовольства инкорпорацией стали уличные волнения и бунты, которые испытали на себе и Эдинбург и Глазго, и Дамфрис и Стирлинг. Парламент, представляющий интересы шотландской элиты, осуществлял мероприятия по подавлению этих движений с октября по декабрь 1706 г.

В результате народных выступлений правительство было вынуждено ввести в Эдинбург войска, которым было приказано «обеспечить мир» и выступать в качестве «сил Парламента» [5]. Это, однако, оказалось малоэффективным средством против нападений на политиков. В то время, когда парламентарии голосовали по первой статье (наиболее принципиальной), среди оппозиции сложился план восстания вооруженных камеронцев и представителей других хайлендерских кланов, общей численностью от семи до восьми тысяч человек. Парламентариев не могли

не беспокоить эти проявления недовольства, поскольку слишком живы были еще в памяти эдинбургские волнения 1648 г., когда вооруженная толпа осаждала Эдинбург в течение нескольких дней. В то же время среди парламентариев находились те, кто считал, что меры по обеспечению безопасности, предпринимаемые правительством, излишними и выступал против Акта о сборах. Среди шестидесяти двух парламентариев, голосовавших против Акта, все же принятого большинством голосов, было семнадцать представителей знати, двадцать девять – графств, шестнадцать человек представляли города [6].

Продолжал народ активно проявлять свое недовольство и тогда, когда в январе 1707 г. статьи унии были ратифицированы шотландским парламентом. В феврале размах волнений был столь велик, что, опасаясь за свою жизнь, политики и придворные приняли решение, отменить празднование дня рождения королевы, которое обычно проходило с размахом и превращалось, как правило, в карнавал [7].

Интересно, что практически сразу же после того, как уния была введена в действие, то есть уже летом 1707 г. большая часть волнений стихла, и на протяжении полутора десятилетий в Шотландии установилось спокойствие, изредка нарушаемое незначительными вспышками городского недовольства. И только в начале 1720 г. XVIII в. по стране вновь прокатилась волна протестов. Историки, как правило, ставят выступления 1705-1706 гг. и волнения начала 1720 г. в один ряд, однако, думается, что с точки зрения отношения к унии, разница между этими двумя периодами выступлений существует.

В период между январем и серединой марта 1720 г. целая серия народных выступлений произошла в Шотландии, главным образом, на западном побережье. Началось движение на юге Файфа, и затем как огонь с большой скоростью стало распространяться по шотландским городам. В Дизарте (26 января), Метиле, Левене, Элайе и Питтенуиме (2 и 3 февраля), Анструсере (5 февраля), Кингсбарнсе и Крайле – восстания вспыхивали одно за другим. Затем движение перекинулось севернее, в район Данди, охватив Вaleyфилд и Кинкардин, и около 17 февраля Блэкнесс и Линлитгоу. На спад оно пошло только после того, как было успешно подавлено в Монтроузе (14 марта) и Арброаде (19 марта). Но даже этот список перечисленных мест не охватывает всей географии выступлений, поскольку городские советы, охваченные паникой от столь широкого и массового движения, просто не успевали вносить в свои регистры все данные, с чем связана некоторая путаница в установлении последовательности и точной географии восстаний.

Тысячи людей были вовлечены в выступления, не меньшее количество было направлено на их подавление. В Дизарте, по одним сведениям, в мятеже принимало участие тысяча человек, в то время как по другим – две тысячи, учитывая, что восстание продолжалось три дня, обе цифры могут быть верны, относясь к разным его периодам. Причем эти данные исключают женщин и мальчишек, которых было сорок-пятьдесят человек, и которые обслуживали лошадей и приносили пищу выступавшим [8].

Иначе говоря, исторический контекст этих выступлений затрудняет определение их характера. В то время как в Англии продуктовые бунты были впервые зафиксированы в XVI в. (первый относится к 1527 г.), в Шотландии они появляются только в XVII в. и охватывают лишь незначительные территории, будучи не слишком значительными. В 1709, 1710 гг. произошло несколько аналогичных волнений в Шотландии, не привлекавших серьезного внимания властей. И после 20-х годов XVIII в. они еще случались, крупнейшими из них были солодовый бунт 1725 г., и восстание Портоса в 1736 г. Но в действительности 1720 г. собрал под свои знамена большее количество населения.

Современные историки описывают народные выступления раннего нового времени либо в категориях «старых» и «новых» форм регулирования рыночных отношений, что подразумевает анализ экономических, социальных и политических процессов «долгого» XVIII столетия [9], либо, как это делает Н.З. Дэвис, акцентируют внимание на их символической стороне. В этой связи шотландская экономика и города, которые стали традиционным объектом изучения историков [10], должны быть поставлены в контекст политических процессов до и после унии 1707 г. – Шотландия, все же, не совсем классический пример раннеевропейского государства. Более того, в этом контексте события 1720 г. могут рассматриваться как проявление модернизационного кризиса, а также как этап экономического развития Шотландии, который являлся частью процесса интеграции.

Подобная точка зрения поддерживается представителями так называемой «моральной экономики», которые предложили свое объяснение продуктовым бунтам XVIII в. Как пишет К. Ботон в ее исследовании, посвященном парижским продуктовым бунтам 1775 г., историк должен «учитывать различные региональные и локальные факторы, политический контекст, в котором они [бунтовщики] действуют и изучаются» [11]. Эти же соображения в полной мере можно отнести и к Шотландии.

К. Уотли отмечает, что одним из факторов волнений были цены. Их рост на протяжении первых двух десятилетий XVIII в. составил до 144 % [12]. Однако и цены, очевидно, были не главной причиной. Интересно, что большая часть городов, охваченных восстаниями, были портовыми. Те, кто посещал Шотландию в начале XVIII в. были удивлены масштабами экспорта зерна, осуществляемого с ее восточного побережья [13]. Расширение хлебного экспорта началось с 1680 г., когда внутренний рынок уже был насыщен [14], и активно продолжалось в период после того, как уния открыла доступ шотландским товарам на мировой рынок. И хотя к 1700 г. экспорт стал довольно сложным занятием из-за конкуренции северо-европейских стран, в середине первой декады XVIII в. зерно в Шотландии признавалось «нашим лекарством». Четвертая статья унии давала ему свободный доступ на английский рынок, и это положило начало резкому увеличению экспорта зерна, наряду с экспортом других сельскохозяйственных продуктов. В период с 1718 по 1722 гг. он увеличился на 106% по сравнению с периодом 1712-1717 гг. [15].

Именно этот расширяющийся экспорт, в результате увеличения которого поднялись цены внутри страны, послужил основой для выступлений 1720 г. В действительности, цены были лишь немного выше, чем в 1719 г. и правительство с подачи Лорда адвоката Дандаса связало эти выступления с влиянием врагов-якобитов [16].

Нельзя все же, не заметить, что существует, хотя и опосредованная, но очевидная связь между восстаниями начала 1720-х гг. и политическими процессами в Британии. С упразднением в 1708 г. Тайного совета Шотландии, который до унии был ответственен за стабильность и порядок в обществе, возникший вакуум власти создал на севере Британии опасную ситуацию. Механизм, который до 1707 г. отвечал за своевременные поставки экспорта согласно договорам, больше не действовал, и ситуация регулировалась стихийно, часто, в ущерб самим поставщикам. В ответ на восстание правительство принимает административные меры: в мае сэр Дэвид Дарлимпл был смещен с поста Лорда адвоката, который он занимал с 1709 г., по причине того, что «Роксбурну (Государственному секретарю по делам Шотландии) казалось, будто Лорд адвокат не выказывал особого рвения в наказании участников последнего якобитского восстания» [17]. Заменявший Дарлимпла Роберт Дандас извлек все уроки из отставки своего предшественника и должен был наказать участников бунтов.

В то же время, можно говорить, что восставшие достигли своих целей. Никто не умер от голода, а городские советы вынуждены были пойти на ограничения цен. Но среди результатов восстания были и более долгосрочные. На графиках приводимых в исследовании К. Уотли видно, что в период 1720-1723 гг. уровень экспорта зерна упал практически до нулевой отметки, что в последний раз наблюдалось в 1710 г. [18], в то время как в Англии экспорт зерна продолжал расти до 1750 г. и позже, чем в Шотландии сменился импортом.

В 80-е гг. XX в. среди британских историков господствовала точка зрения, согласно которой 20-30 гг. XVIII в. стали временем относительного социального спокойствия, а протест, если он и случался, носил «спорадический, в значительной степени, спонтанный и краткосрочный характер», все это рассматривалось как подготовка рабочей борьбы XIX в.», причем с такой точкой зрения были согласны даже марксистские историки [19]. Начиная же с 1990-х гг., оценка характера продуктовых волнений 1720 г. исходит из общего представления о народной реакции, в целом негативной, на унию 1707 г., которая проявлялась в течение нескольких последующих за инкорпорацией десятилетий [20]. Однако в данном конкретном случае оснований напрямую связывать восстания с якобитизмом или национализмом нет. События 1720 г. стали результатом процессов разных уровней. С одной стороны, социально-экономическая модернизация неизбежно вела к возникновению социальных конфликтов. Она же делала необходимой и административные преобразования, в результате которых формировался вакуум власти, не позволявший правительству оперативно и гибко реагировать на возникающие противоречия. Еще одной стороной этих конфликтов является борьба внутри патронажных практик, в условиях которой сталкивались интересы разных представителей аристократии, что выражалось в покровительстве тем или иным группам населения. И, наконец, тот факт, что социальный протест был окрашен в националистические оттенки, свидетельствует о неприятии унии, на которую возлагалась вина за экономические потрясения.

В то же время сравнение выступлений периода подготовки и подписания унии с протестом 1720-х гг. дает возможность проследить некоторую динамику. В случае с выступлениями 1720-х гг. очевидно использование антиуниатской риторики, тогда как корни конфликтов, безусловно, социальные. Противоречия, вызвавшие восстания, корнями уходят в механизм унии-инкорпорации, которая, способствуя развитию одних отраслей экономики, губительным образом сказывалась на других. В то время как волнения 1705-1706 гг. были структурированы вокруг процесса заключения союза и носили, скорее, эмоциональный, нежели социально-или даже национально-отрафлексированный характер. Со временем эмоциональная сторона в восприятии унии уходила на второй план, в то время, как все отчетливее вырисовывалась социально-экономическая составляющая. В данном случае становилось очевидным, что успех союза будет зависеть от степени, темпов и характера шотландской модернизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Jones J.* Country and Court. England 1658 - 1714. L., 1993. – P. 332.
2. *Atlas of Scottish History to 1707.* Ed. by P.G.B. Neill and H.L. McQueen. Edinb., 1996. – P. 391.
3. *Young J.R.* The Parliamentary Incorporating Union 1707: Political Management, Anti-Unionism and Foreign Policy // *Eighteenth Century Scotland. New Perspectives.* Ed. by T.M. Devine and J.R. Young. East Linton, 1999. – P. 30.

4. *Young J.R.* The Parliamentary Incorporating Union 1707: Political Management, Anti-Unionism and Foreign Policy // Eighteenth Century Scotland. New Perspectives. Ed. by T.M. Devine and J.R. Young. East Linton, 1999. – P. 32.
5. *Young J.R.* The Parliamentary Incorporating Union 1707: Political Management, Anti-Unionism and Foreign Policy // Eighteenth Century Scotland. New Perspectives. Ed. by T.M. Devine and J.R. Young. East Linton, 1999. – P. 38.
6. *Young J.R.* The Parliamentary Incorporating Union 1707: Political Management, Anti-Unionism and Foreign Policy // Eighteenth Century Scotland. New Perspectives. Ed. by T.M. Devine and J.R. Young. East Linton, 1999. – P. 39.
7. *Whatley C.* The Scots and the Union. Edinb., 2007. – P. 13.
8. *Whatley C.* The Union 1707, Integration and the Scottish Burghs: The Case of the 1720 Food Riots // SHR. – 1999. – V. 78, № 206. – P. 193.
9. Markets, Market Culture and Popular Protest in Eighteenth-Century Britain and Ireland. Ed. by Randall A. and Charlesworth A. Liverpool, 1996.
10. *White I.D.* Scotland before Industrial Revolution: An Economic and Social History. – 1995. – P. 1050-1750.
11. *Bouton C.* The Flour War: Gender, Class and Community in Late Ancient Regime French Society. Pennsylvania, 1993. P. xxii.
12. *Whatley C.* The Union 1707, Integration and the Scottish Burghs: The Case of the 1720 Food Riots // SHR. – 1999. – V. 78, № 206. – P. 198.
13. Journal of Henry Kalmeter's travels to Scotland, 1719-1720 // Scottish Industrial History: A Miscellany Ed. by T.C. Smout. Edinb., 1978. – P. 5, 14.
14. *White I.* Agriculture and Society in Seventeenth-Century Scotland. Edinb., 1979. – P. 233.
15. *Whatley C.* The Union 1707, Integration and the Scottish Burghs: The Case of the 1720 Food Riots // SHR. – 1999. – V. 78, № 206. – P. 201.
16. *Rogers N.* Riot and popular Jacobitism in early Hanoverian England // Ideology and Conspiracy: Aspects of Jacobitism, 1689-1759 Ed. by E. Cruickshanks Edinb., 1982. – P. 72.
17. *Omond G.W. T.* The Lords Advocates of Scotland, from the close of the fifteenth century to the passing of the Reform Bill. Edinb. – 1883. – V. II. – P. 304-313.
18. *Whatley C.* The Union 1707, Integration and the Scottish Burghs: The Case of the 1720 Food Riots // SHR. – 1999. – V. 78, № 206. – P. 214.
19. *Logue K.J.* Eighteenth-century popular protest: aspects of the people's past // The People's Past. Ed. by E.J. Cowan Edinb., 1980. – P. 109.
20. *Whatley C.A.* Scottish Society 1707-1830. Beyond Jacobitism, towards industrialization. Manchester, 2000.

Апрыщенко Виктор Юрьевич

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет».

E-mail: vimal@mail.ru.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105.

Тел.: 89034345583.

Apryshchenko Victor Yur'evich

Federal State-Owned Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: vimal@mail.ru.

105, Bolshaya Sadovaya, Rostov-on-Don, 344006, Russia.

Phone: +79034345583.